УДК 165:14:001

КОСЬКОВ С.Н.

Мировоззренческая программа, методологическая программа и развитие эпистемологии

В данной статье выделяется мировоззренческая программа как новая теоретико-познавательная единица, как новое философское понятие наряду с уже сложившимся теоретико-познавательным понятием – методологическая программа. Показано, как взаимодействие мировоззренческой программы и методологической программы философских направлений определяет развитие классической и неклассической эпистемологии.

Ключевые слова: мировоззренческая программа, методологическая программа, классическая эпистемология, неклассическая эпистемология, субъект познания, природа знания, модель познания.

Поворотный момент в области переоценки гносеологической проблематики, статуса и механизмов работы научного мышления связан с работами зрелого Канта. Побудительными моментами к этому послужили не столько и не только внутринаучные факторы развития науки (интерналистский вариант моделей развития науки), сколько то, что сейчас принято называть внешними факторами развития науки (экстерналистский вариант модели развития науки), а если точнее и шире – культурологический подход[1]. Именно неудовлетворенность и разочарование в просветительской установке в отношении к науке, не оправдавшиеся надежды на науку и упрощенное представление процесса познания и механизма работы научного мышления послужили толчком к коперниканскому перевороту Канта[2].

Немаловажным обстоятельством послужило теперь уже общеизвестное положение о том, что ученые классического периода науки контекст открытия, контекст исследования, эксперимента подменяли на контекст принятия с искажением до 100%. Так, к примеру, демонстративное описание хода эксперимента делалось задним числом с единственной целью показать, что только такое проведение эксперимента и могло привести к именно такому результату. Другими словами, происходили переописание и реконструкция познавательного процесса и механизма работы научного мышления под полученный результат. Отсюда представляется достаточно плодотворным использование по данному вопросу методологических изысканий Гуссерля[3], Лакатоса[4] и Фейерабенда[5]. В связи с этим представляется своевременным обозначить отношение к научному познанию, философии жизни, нетрадиционной философии как к упрощению и двойной реконструкции (Ницше, Шопенгауэр, Дильтей, Бергсон).

В связи с критическим отношением к науке в эпоху романтизма Кант в рамках традиционной философии пытается выйти за рамки жесткой дихотомии рационализма и эмпиризма[6]. Критика науки у Канта выражается не только и не столько в том, что он познающего субъекта ограничил рамками трансцендентального субъекта, а в постановке задачи – построение метатеории, наукоучения, выявления условий работы механизмов научного мышления. Ядром метатеоретических

рассуждений Канта стала трактовка структуры мышления трансцендентального субъекта и понимания истинности и знания как надындивидуального, общезначимого, интерсубъективного.

Другим образующим фактором кантовского наукоучения явилось допущение "вещи в себе"[7]. Отказ от парадигмы познавательных процессов классического периода науки (в этой связи необходимо заметить, что рационализм и эмпиризм как методологические программы одинаково рационалистичны) сопровождается у Канта введением иррациональной компоненты в свою систему "вещи в себе". Фихте и молодой Шеллинг сохраняют данные тенденции, пытаясь по очереди дополнить кантовское наукоучение природой и отказываясь от нее, как это в свое время дважды сделал Кант. Если метатеоретические рассуждения Канта приводят его к занятиям антропологией, то попытки построения наукоучения приводят Фихте, Шеллинга, а также Гегеля к абсолюту. Принято считать, что немецкая классическая философия является рационалистской философией как в области онтологии, так и в области гносеологии. Но уже у Канта в связи с изысканиями структуры сознания трансцендентального субъекта и построением наукоучения появляется иррациональная компонента мироздания – "вещь в себе". У Фихте – иррациональная компонента связана с "не-Я", в позднем периоде – с пониманием абсолюта; у Шеллинга – с бессознательной деятельностью интеллекта (абсолюта), затем – с переосмыслением статуса науки, философии и искусства, связанного с философией откровения. У Гегеля иррациональное образование выражается в самом общем и глобальном моменте: в противоречии между методом и системой, что признается в мировой литературе. По оценке неогегельянцев, гегелевская философия является в целом иррациональной философией, выраженной в рациональной форме, что было заложено в гегелевских теологических рукописях. Таким образом, в традиционной рационалистической философии, ярким примером которой общепринято считать немецкую классическую философию, в связи с переосмыслением природы научного знания и статуса субъекта познания появляется иррационалистическая тенденция.

В связи с изменением социальных условий в XIX в., когда профессия ученого становится массовой, а интеллигент – наемным работником, не открывателем тайн и истин мироздания, а изобретателем, конструктором истины, имеющим прикладное значение (прежде всего это было связано с обслуживанием военно-промышленного комплекса), меняется и отношение к самой науке, и к субъекту научного познания[8]. Такая ситуация вызвала необходимость переосмысления проблем научного познания, его природы и характера познающего субъекта, личности, ее бытийных характеристик. В силу этих изменений возникает такой интересный факт: совершенно различные до своей противоположности философские системы ограничивают действия научного субъекта сферой феноменов[9]. Это является общей точкой соприкосновения иррационалистской, антисциентистской философии – философии жизни; рационалистской, сциентистской, империстской философией позитивизма, неокантианства, феноменологии и т.д.[10]. В этой связи весьма плодотворными являются критика в рамках позитивизма гносеологических парадигм научного познания (как достаточно наивных), науки классического периода, с одной стороны, и критика научного познания как упрощение двойного конструирования объекта философией жизни, с другой стороны[11]. В этой связи особый интерес представляют позиции Бергсона и Дильтея, критика позитивизма Гуссерлем, критика Куайном логического позитивизма. Такая переоценка природы научного знания, возможности познающего субъекта, механизмов научного сознания (что, в принципе, было намечено в рамках немецкой классической философии) подготовила существенные изменения в методологическом сознании XX века, что в явном виде было отражено представителями интерналистской и экстерналистской моделей развития науки. Более существенным выводом является

вывод о подготовке методологического сознания к признанию в конечном счете иррационального характера научного знания.

Как в свое время гегелевская система выросла из преодоления гносеологической односторонности кантовской системы, так в конце XIX века в рамках неокантианства зарождается неогегельянство. Показ эволюции неокантианства в неогегельянство проводится как эволюция неокантианства Марбургской и Баденской школ из методологической программы в мировоззренческую. Такая эволюция методологических программ представляется как характерная для методологического сознания XX века. Наиболее яркие тому примеры – эволюция Гуссерля, логического позитивизма (анализ культуры Нейратом), школы Куайна, лингвистической и аналитической философий, школы Поппера. Эволюция неокантианства в неогегельянство объясняется не только отказом от "вещи в себе", но и возрождением принципа тождества бытия и мышления. Поэтому с самого начала неогегельянство возникает как методологическая и мировоззренческая программа. Возрождение принципа тождества бытия и мышления – это уже не просто повтор гегелевской онтологизации логического субъекта. Происходит сознательный последовательный отказ от гегелевского панрационализма и панлогизма. Неогегельянская онтология исходит из признания иррационального устройства мира. Отсюда и в самой структуре познающего субъекта иррациональность, внелогичность занимает важное место (имеется в виду традиционная логика и традиционный рационализм). Это касается не только эвристики, контекста открытия, но и построения и функционирования самой научной теории. Выделение методологической схемы структурирования материала материи придаёт теории внешне рациональный характер. Но сама научная теория своими корнями уходит в иррациональность чувственного материала, с одной стороны, а с другой стороны, ее теоретические основания в конечном счете постулируются, а не выводятся. Таким образом, на данных программах показывается превращение методологических программ в мировоззренческие и подготовленность методологического сознания к признанию иррациональности, внелогичности научного знания[12].

В своей эволюции Гуссерль продемонстрировал достаточно типичную ситуацию для методологического сознания XX века. Начиная свою философскую карьеру как сторонник крайнего сциентизма и рационализма, Гуссерль заканчивает ее как противник сциентизма и традиционного рационализма.

По сути дела его методологическая программа превращается в мировоззренческую доктрину, близкую к экзистенциализму. Анализ гуссерлевского построения наукоучения вызывает повышенный интерес, если его проводить в сравнении с такими мощными методологическими доктринами, как конвенционалистская программа Пуанкаре и Пьера Дюгема, конструктивистская программа Эйнштейна[13]. Данные программы в ходе своей эволюции сумели сохранить свой традиционный рационалистский и сциентистский характер в рамках интерналистской модели развития науки.

Теория экзистенциализма анализируется как нетрадиционная философия, для которой уже не работают методологические наработки прежней традиционной философии, в том числе и разделение на онтологию и гносеологию. Теория экзистенциализма представлена как естественное развитие феноменологического подхода Гуссерля. Экзистенциализм – это универсальная теория личности. Теория личности экзистенциализма оригинальна и специфична. Необходимо подчеркнуть, что понятие теории в применении к экзистенциализму используется в достаточно условном смысле. Специфичность экзистенциалистской теории заключается и в том, что это не вариант рациональной понятийной формы мышления, научного сознания. Категории и формы научного мышления используются экзистенциализмом (его теоретическим вариантом) как средство изображения бытийных характеристик отдельных личностей,

так же как используются краски художником для изображения портрета отдельного человека, а не человека вообще. В этой связи нетрадиционно представляется познание – как способ бытия, а истина – как способ переживания этого бытия[14].

Более конкретный анализ экзистенциалистской теории как теоретического знания и познающего субъекта, как субъекта, творящего мир, основан на творчестве Хайдеггера, Ясперса, Сартра.

По сути дела в рамках феноменологического подхода экзистенциалистской теории раскрываются возможности антисциентистского, иррационального подхода к познанию.

Конвенциональное принятие и построение научной теории как методологическая норма, как специфика современной науки было признано всеми ведущими методологами XX века различных направлений. Этому способствовала целая совокупность особенностей современной науки: резкое возрастание абстрактности и степени общности естественнонаучных теорий; использование учеными гипотезы в качестве необходимой и важнейшей формы научного знания; ломка и пересмотр понятий классической науки, называвшихся дотоле абсолютно незыблемыми; отказ от одних фундаментальных понятий, изменение содержания других; конвенциональность языка семантики научных терминов; осознание многозначного характера связи теории и эмпирического материала; резкое возрастание конкурирующих теорий и в этой связи резкое возрастание значения проблемы выбора и значения внеэмпирических критериев оценки теории, простоты, красоты, удобства, изящества и т.д.

Конвенциональное понимание природы научного знания и знания вообще является яркой демонстрацией того факта, что наука – это творение рук человеческих. Этот, казалось бы, простой до своей банальности факт требует своего обоснования с различных позиций. Не случайно, что вопрос конвенциальности научного знания впервые был поднят в конце XIX века в рамках религиозного философствования неогегельянцем и неотомистом Эдуардом Леруа[15]. Сам конвенционализм уходит своими корнями в средневековую концепцию двух родов истин: научные истины, являясь результатом одного из видов человеческой деятельности, не могут быть абсолютом.

Конвенциональная, т.е. человеческая, природа человеческого знания – это то, от чего отказался ранний Гуссерль, это то, к чему пришел поздний Гуссерль, выступая за очеловечение европейской науки. Это также просматривается в теоретической версии экзистенциализма.

Эти идеи, как ни странно на первый взгляд, ярко раскрываются в позитивистских и близких к ним течениях. Несмотря на их достаточно жесткий сциентизм, достаточно традиционный эмпиризм и интерналистское понимание научного знания, ими тем не менее признается иррациональная компонента в самой структуре научного знания, для преодоления которой и служит конвенция. В зависимости от автора работа этих конвенций рассматривается на эмпирическом или теоретическом уровне знания.

Наиболее демонстративно в рамках постпозитивистской методологии науки иррациональный характер научного знания раскрывается в трудах Поппера и его многочисленных учеников и сторонников, которые развили самостоятельные идеи, далеко выходящие за рамки поппоровской школы[16].

Таким образом, признание конвенциональности научного знания сциентистскими и антисциентистскими философскими направлениями свидетельствует о признании вхождения иррациональной компоненты в структуру научного знания. Причиной этого является субъект науки, т.е. человек.

Для классической и неклассической эпистемологии главным героем познавательного процесса является трансцендентальный субъект, или логический субъект, инперсонифицированный субъект, в любом случае – обезличенный субъект. Главной темой в эпистемологии является тема взаимоотношений теоретического и эмпирического как видов знаний и как уровней познания[17]. Определяющей моделью по-

знания является субъектно-объектная модель.

Для эпистемологии в целом определяющим предметом является логически препарированная сфера чистой субъектности (наиболее демонстративно у Канта и Гуссерля).

В рамках эпистемологии, в особенности классической эпистемологии, произошёл жесткий отказ от эмпирического субъекта познания, от живого непосредственного участника познавательного процесса и, по сути дела, творца науки.

В рамках мировоззренческой программы эпистемологии этот эмпирический субъект не обладает когнитивной ценностью. Оттого он исключен из методологической программы эпистемологии, ему там не место.

Это объясняется и господством ценностно-мировоззренческих установок, связанных со сциентистской моделью знания, в т.ч. и философского знания (этого не смогли преодолеть даже такие критики сциентизма, как Ницше и Бергсон), и с интерналистской (автономной) моделью развития науки.

Хотя перемены, обращение к эмпирическому субъекту были намечены уже в рамках самой эпистемологии: к примеру, у позднего Канта в его лекциях по антропологии, у позднего Гуссерля в его «Кризисе европейских наук». Это можно встретить в эмпириокритицизме у позитивиста Маха и в философии жизни Дильтея в их обращении к психологической стороне научного творчества.

Большие перспективы открывает и конвенционалистская методология в силу удачного сочетания антропологичности в подходе к познавательным процессам с требованиями научности теоретических построений.

Надежды, связанные с обращением к анализу познавательной деятельности эмпирического субъекта, наметились с появлением и развитием позитивизма во всех его трёх ипостасях и постпозитивизма. Но этого не случилось. Им не удалось в полной мере выйти за рамки трансцендентального субъекта и за рамки проблемы теоретического эмпирического и за рамки интерналистской модели науки.

Только с конца XX века в эпоху постнеклассической науки начали происходить достаточно существенные изменения мировоззренческих программ философских направлений, что повлекло изменение и методологических программ, и ценностных установок. Но это является заслугой не только философской мысли, но и современной социологии науки, современного науковедения, когнитивной психологии.

Подводя итоги вышеизложенному, можно сказать следующее:

1. Обнаружение взаимосвязи условий познания с формами, задачами и направленностью процесса познания; формирование новой субъектно-объектной модели познания, нетрадиционной для предыдущих философских направлений, полный отказ от просветительских установок в понимании статуса науки, её возможностей и границ научного познания – такое начало критического подхода к науке и научному познанию по сути дела означает формирование новых ценностно-мировоззренческих ориентиров в условиях меняющегося социокультурного контекста эпохи.

2. Изменения социокультурного контекста привели к тому, что ученый стал массовой профессией; возросло скептицистское отношение к характеру научного познания и творчества; понизился социальный статус ученого, истины. Сформировался новый ценностно-мировоззренческий подход для осмысления этих изменений. Такого рода обстоятельства создали поисковую ситуацию, которая, в свою очередь, потребовала критического отношения как к прошлому, так и к настоящему. Ответом на данную поисковую ситуацию послужило создание новых философских концепций с нетрадиционным соотношением мировоззренческих и методологических программ. Отсюда нигилизм в отношении к научному познанию, к использованию его результатов и деятельности ученого. Эта ценностная установка в концептуальном отношении смогла реализоваться лишь через подчер-

кнуто выпуклую постановку проблемы активности субъекта и творческого конструирующего характера познавательной деятельности. Активность субъекта познания отождествляется с активностью субъекта в деятельности, где не различается субъективное, объективное начала и как, следствие, объективное предстает в виде объективированной активности субъекта. Последняя признается единственно существующей в действительности, что отражается в формировании нового отношения к мировоззренческо-гносеологической проблематике.

3. Попытки выяснить возможности конструирующей деятельности разума раскрывают не только важные моменты в механизме исследовательской работы учёных-теоретиков, но и приводят к эволюции самих этих философских исследований. Обращение к методологии научного познания как к главному предмету философствования становится возможным тогда, когда социальная роль науки стала значимой. Когда наука становится чрезвычайно важным элементом в жизни общества, оказывается, что изучение методологических проблем науки и в социальном плане делается важным. Невольно происходит подмена: результаты исследования методологии научного познания, т.е. научного сознания, объявляются особенностями мышления вообще. Так, новые философские направления возникают как жестко сциентистски ориентированные системы с выдвижением оригинальной методологической программы, в которой они пытаются совершенно по-новому переосмыслить весь комплекс научного знания. Согласно этой программе изменяется и сама постановка гносеологических задач.

4. Стремление понять бытие строго рационалистски привело к нарастанию иррациональности в теоретических построениях сциентистски ориентированных философов и методологов науки, признанию иррациональности того реального мира, в котором живёт каждый. В процессе этих исследований становится ясным, что познание есть нечто принадлежащее бытию субъекта, а в таком случае критерий научного познания не может не быть субъективным. Эта общая установка, общее настроение ведут к двум типам выводов и результатов. С одной стороны – к выводу об окончательном и безысходном тупике научного подхода и научного мышления в целом, отсюда антисциентизм ультралевых гуманитариев наших дней. С другой стороны – к попыткам переориентировать научное мышление, так изменив и дополнив его предмет и метод, чтобы человеческие проблемы стали ему доступными. Такая эволюция вполне демонстративна и типична для философствования сциентистски ориентированных методологических программ.

5. Переориентация традиционного противопоставления методологических и мировоззренческих программ ведёт к появлению множественности вариантов синтеза этих программ в единую целостную конструкцию, программ, среди которых выделяется конвенционализм, соединяющий в себе человекомерность процесса научного познания с требованиями научности теоретических построений, интегрирующий методологические и ценностно-психологические установки.

6. Интерес к проблеме конвенции в научном познании обусловлен, с одной стороны, бурным развитием современного научного знания, усложнением его структуры, созданием высокоабстрактных теоретических концепций, с другой – ростом методологической рефлексии науки, стремлением науки осознать свои гносеологические основания. Конвенциональное понимание природы научного знания и знания вообще является яркой демонстрацией того факта, что наука есть результат человеческого творчества, включенности самого человека, а не просто обезличенно-логического субъекта в непосредственный процесс научного познания.

7. В условиях интерпретации феномена человекомерности постнеклассической, междисциплинарно организованной и проблемно ориентированной науки задать меру и степень человеческого присутствия в научном познании без потери статуса научности позволяет конвенцио-

налистская методология, синтезирующая и человечность, и научность, и коммуникационность научно-познавательной деятельности.

[1] Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? Соч. в 6-ти томах. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 50–97.

[2] Там же.

[3] Гуссерль Э. Логические исследования / / Гуссерль Э. Философия Как Строгая Наука. Т. 1. Новочеркасск, 1994.

[4] Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура Научных Революций. М., 2001.

[5] Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

[6] Коськов С.Н. Начало и истоки конвенционалистской методологии науки // Новое в психолого-педагогических исследованиях. Москва – Воронеж, 2009.

[7] Доброхотов А.Л. Философия как искание абсолюта. Опыты теоретические и исторические // Вопросы философии. 2005. № 5. С. 181–182.

[8] Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М.: Аспект-пресс, 1997.

[9] Алексеева И.Ю. Философская проблема понятия и представление знаний в системах искусственного интеллекта. М., 1999.

[10] Герасимова И.А. Феномен аргументации. Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 21. № 3. С. 5–13.

[11] Алексеев А.П. Философский текст: идеи, аргументации, образы. М., 2006.

[12] Миронов В.В. Сциентизм и антисциентизм как типы мировоззренческой ориентации современной науки //Методологические проблемы исследования природных и социальных явлений. М.: МГУ, 1985.

[13] Казарян В. П. Философские основания теории относительности //Философские основания естествознания. М., 1977.

[14] Коськов С.Н. Взаимодополняемость семантических конвенций и метафор в языке науки // Вестник МГУ. Серия 8, Философия. 1991. № 6.

[15] Коськов С.Н. Конвенционализм и проблемы современной философии науки // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 3.

[16] Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.

[17] Лебедев С.А. Философия науки. Краткая энциклопедия. М.: Академ. проект, 2008. С. 704.